

1

Кирилл сел в машину и с шумом захлопнул дверь. И потом громко пропел:

— Да-да-да дам!!! — И посмотрелся в зеркало.

Вот так вот. Вот! И нечего вам тут рассуждать. Это сделал он!

Кирилл нажал на кнопку, и двигатель завелся. Да, и машина у нас достойная! А почему нет? И никто ее ему не подарил. Сам заработал. Шел мелкими шагами от «Таврии» к иномарке. Господи, и как только он помещался в той «Таврии»?! С его-то ростом. Вечно в три погибели. Но ведь и не думал тогда об этом. Автомобиль! Сам заработал! И ездил, согнувшись, и глохла та «Таврия» всегда именно на трамвайных путях. И вот сегодня у него красивый комфортный внедорожник. Заслужил! Заработал денег и купил.

Да. Именно он. И он очень хороший врач. Что называется, от Бога. Кирилл опять посмотрелся в зеркало дальнего вида, насупил брови и сделал страшное лицо. Верить! Немедленно! Это он все сейчас про себя!

Он вечно в себе сомневается, всегда недоволен, никогда сам себя не хвалит. Пациенты — да. Особенно, если есть результат. Тут тебе и цветы, и коньяк. А бывает и по-другому. И от него зависит не все, а в случае отрицательного результата он всегда все неудачи берет на себя. И сам говорит женщине о том, что попытка была неудачной. Очень сложно бывает прорваться к ее разуму через поток слез и объяснить, почему так произошло, и настроить ее еще на одну попытку или, наоборот, честно сказать, что лучше не пытаться или поменять врача. И такое он порой говорит. Так тоже бывает!

Но даже когда его благодарят и хочется подумать вот эту самую мысль: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» — он не разрешает себе этого делать. Не хочет, чтобы видели его глупую улыбку, боится показаться смешным и самодовольным. Но ведь так нельзя. Человек должен хоть иногда повесить себе на лоб звезду. И, выпятив грудь, посмотреть в зеркало. Вот как сегодня! В конце концов, пятьдесят пять лет. И много чего достиг в жизни. Хорошая жена, дочь оканчивает институт. А главное — его клиника. Ведь клинику в Москве организовал! Мог ли подумать он, мальчишка из южного городка, который падал в обморок от вида крови, что он все же станет врачом и сбудется его мечта: он станет именно гинекологом и будет заниматься таким новаторским делом, как ЭКО, и делать лю-

дей счастливыми. Причем преуспеет так, что выстроит целую клинику. Сначала в родном городке, а потом и в Москве. И добьется прекрасных результатов.

Три года в Москве не заставили его этот город полюбить. Да и видел он столицу в основном из окна автомобиля. Доктор приходит на работу к восьми, а то и раньше, домой возвращается порой за полночь. Да, собственно, так у всех врачей. Если ты, конечно, действительно врач. И если ты даже уже дома, ужинаешь (а если честно, то запикиваешь в горло все, что под руку попадет), то все равно в голове пациенты, планы лечения, новые методики и устаревшие инструменты, которыми все равно нужно работать.

Кольцов ехал по Москве, и его сердце переполняла гордость. Это его город. Хотя москвичом он себя не считал и не называл. Дочь, наверное, говорила, что москвичка, а он — нет. Какой он москвич? Но вот о том, что у него есть своя клиника в Москве, об этом вскользь при случае упоминал.

Кирилл включил радио на всю катушку и начал подпевать бессмертному хиту Антонова:

— Мечты сбываются! И не сбываются!

Ну что поделаешь: медведь на ухо наступил, в коллехтиве не споешь, а здесь никто не слышит! До дома ехать полтора часа, и успешный доктор Кирилл Евгеньевич Кольцов разрешил себе вот эти самые полтора часа собой погордиться. И говорить: «Я это сделал!»

Ну, уж полтора-то часа в год может человек себе позволить быть счастливым и гордым собой?!

Совсем недавно отмечали его 55-летие. Жена просто настояла на ресторане, причем на самом шикарном в Москве.

— Значит, так. «Пушкин», Тверской бульвар, зал «Библиотека».

Майка, как всегда, просто констатировала. Кирилл отнекивался как мог:

— Ты с ума сошла, к чему?

— К тому. Круглая дата.

— Дома посидим.

— У нас того дома, где посидеть, пока нет. Все же в клинику вкладывается.

Не преминула напомнить, вздохнул про себя Кирилл. Следующим пунктом будет автомобиль. Мол, не экономит на клинике и на машине. И почему он должен экономить на машине? Машина — это жизнь. Он много работает, устает, где-то же он должен расслабляться?! Кольцов уже начал нервничать, но Майка про автомобиль напоминать не стала. Хоть на этом спасибо.

— Ну, хорошо, только давай что-нибудь поскромнее, к чему вся эта помпа?

— Еще добавь: «Что люди скажут?»

— Ну, и это. — Кирилл вздохнул еще раз. Он не любил спорить с женой. В этой борьбе он всегда проигры-

вал, да и не борьба это была вовсе. Он с самого начала отключался от спора. Вроде бы слушаешь, но улавливаешь только суть и сразу фильтруешь: опасно — не опасно. Если опасности для жизни нет, то пусть себе и делает, что придумала. Если вдруг чувствуешь опасность, то тут он включался полностью: просил повторить еще раз, вникал и очень доходчиво объяснял, что этого не будет никогда.

Ясное дело, прожить вместе больше тридцати лет — это много. Майка его изучила вдоль и поперек. Где-то он недавно прочитал, что жена — это приз. Какой заработал, такой и получил. Он не совсем согласился с таким тезисом. История не терпит сослагательного наклонения. Люди принимают решение о замужестве молодыми, порой глупыми. Скорее он назвал бы брак лотереей: кому как повезет. Кольцов не думал, что ему повезло стопроцентно. Бывали моменты в его жизни, когда хотелось все разрушить и начать сначала. И даже какое-то время он свято верил, что сделает это. Но не сделал, спасовал или не откликнулась вторая сторона. Сегодня он был уверен: все правильно. Именно так, как должно. Хотя Майя порой раздражала, вот как с этим «Пушкиным». Ну какой, к черту, «Пушкин»?! Он и «Пушкин». Не вяжется! Но опасности нет, значит, пусть себе.

— А я тебе не предлагаю собирать всю Москву. Татьяна с мужем и детьми пригласим, твоего зама, мы

с тобой. В конце концов, десять человек мы накормить сможем в любом ресторане. Но этот день мы с тобой отметим. Эй! Ну посмотри на меня! Ты ж в итоге скажешь, что я была права! — И Майка чмокнула его в затылок и рассмеялась так, как могла только она одна. По телу разлилась теплая и приятная волна. А может, и приз?

— Делай как знаешь! — ответил Кирилл уже безо всякой безысходности в голосе. Скорее с интересом. А почему и нет? Что там у нас по этому поводу говорит старина Фрейд? Кирилл ему доверял, психоанализ помогал общаться с пациентками, которые бывали как оголенные провода.

«К несчастью, подавленные эмоции не умирают. Их заставляют замолчать. И они изнутри продолжают влиять на человека».

Правда или нет? Правда, если ты человек слабый, неуверенный в себе. Или не умеешь отпускать. Кирилл в каком-то возрасте сумел. И поверил своей жене. Как говорят в народе: «Первая жена — от Бога, вторая — от людей, третья — от дьявола». Кирилл много раз пытался применить эту формулу к своим увлечениям. То есть ясно, что Майка как раз была от Бога.

Занявшись проблемой искусственного оплодотворения, Кирилл одновременно пришел и к Богу. А дальше? Которая из последующих его влюбленностей могла быть от людей, какая от дьявола? И Ин-

га? Время от времени прямо-таки ужасался: а вдруг чувства к ней от дьявола?! Майка — она понятная. И предана ему. Это важно.

Праздником Кирилл Евгеньевич остался доволен. Он никогда раньше в том самом «Пушкине» не бывал, но от людей был наслышан. Гламурно, дорого, для «своих» людей. Господи, почему для «своих»? И что это вообще за выражение? Как-то от одного немецкого доктора, долго изучавшего русский язык, влюбленного в Толстого и мечтающего прочитать «Войну и мир» в подлиннике, услышал:

— А я понимаю, что это значит «наш человек» и «не наш человек».

— И что же, Карл?

— Это тот, с кем можно напиться! И не бояться, что будешь потом просыпаться в холодном поту и вспоминать, что по пьянке выболтал. Точно? — Карл победно посмотрел на Кирилла.

Кирилл тогда просто хлопнул коллегу по плечу. Это ж надо, немец! Как он уловил! Но каковы стереотипы — все равно водка, медведь и шапка-ушанка во главе угла! А водка тот ряд возглавляет.

И все же «наш» — это что-то на очень тонком душевном уровне. А вот «свои» — это кастовость. Это что-то из индийской жизни. Вот швейцар на входе, который тебе не рад, он тебя сканирует. Как раз на те-

му: «свой» — «не свой» и, кстати, как будет себя вести, когда напьется. Взгляд неприятный, надменный. И это вам не Германия, там тебе просто искренне рады, здесь почему-то есть чувство неловкости, и вообще начинаешь бояться: а пустят ли? Бред какой-то. И тем не менее сканирующий взгляд длится ровно две секунды, потом откуда-то появляется широкая белозубая улыбка, и за легким поклоном следует вопрос:

— А вы, наверное, юбиляр? С праздником. Для вас уже все готово. Поднимайтесь, пожалуйста, в «Библиотеку».

Именно так начался тот юбилей. Сначала подумал: «Наверное, не пустят», — и лихорадочно стал соображать, а с собой ли паспорт? С поклоном швейцара понял, что у него какие-то мании, остатки неизжитой провинциальности, которая не отпускает никого и никогда, но это не страшно. Гинеколог — он всегда немножко психолог. Застегнув пуговицу на пиджаке и расправив плечи, он по привычке немного наклонил голову, со ссылкой на рост, и шагнул в ресторан.

Дорого, сразу понятно, что дорого. Как мы продвинулись вперед в смысле дизайна интерьеров! Дорого может быть в любом стиле. И минимализм может быть очень дорогим, ну а здесь уж все само собой.

— Майка, а почему так темно?

— Не темно, а камерно. Приглушенный свет добавляет атмосферы.

— А-а, ну это да. Это согласен. А «Библиотека» — что значит? Книжки читать будем?

— Тут три основных зала: «Аптека», «Библиотека» и «Антресоль».

— Ну, нам вроде, по идее, нужно было в «Аптеку»?

— По всем идеям нам нужно было в «Библиотеку», поверь мне!

Кирилл решил больше не заикливаться на своей персоне, на том, к какому социальному слою он относится или что почувствовал швейцар при виде его. И почему, кстати, целых две секунды не включал его в список тех самых «своих». У него сегодня, в конце концов, большой праздник. Пятьдесят пять лет идет он по жизни. Немало!

Молодец Майя! Все организовала по высшему разряду. По высшему разряду для семьи, не для какого-то показа! Вот что важно. Вызвала его сестру из Феодосии, гостиницу им заказала хорошую, культурную программу продумала. И собралась за столом хорошая компания: семья и друзья, только самые близкие для него люди, без которых не состоялся бы он ни как врач, ни как человек. Татьяна приехала с сыновьями и мужем, Кольцов был безмерно рад их видеть и опять же благодарил свою Майку. И (что греха таить!) гордился, что может пригласить сестру в роскошный московский ресторан. Десяток человек, ближайшие родственники,

из друзей — его зам с женой, которого, кстати, он за собой вытащил с исторической родины.

Посидели, поговорили о том, что было, как строили клинику, о семье, об успехах. Семейные тосты, правда, крутились исключительно вокруг того, что он мало времени проводит в кругу родных, совершенно не думает о себе. Мол, пора ему найти хобби. А у него работа — это хобби. Всем бы такого пожелать. Чтобы работа стала не только увлечением — всей жизнью. Сначала на все мягкие выпады родни он только улыбался и пожимал плечами, а потом все же парировал:

— Человек может состояться только в том случае, если его работа ему нравится. — Кольцов уже не помнил, где прочитал эту емкую фразу, но она врезалась в память, и с этим постулатом он был согласен полностью. — Друзья, еще Конфуций сказал: «Найди себе дело по душе, и тебе никогда больше не придется работать». Это про меня!

— А про нас? Мы же сейчас, Кирюш, не про тебя, мы про нас, — мягко поправила жена.

— А я про себя. В конце концов — это мой праздник! — Кирилл уже слегка подвыпил и понял, что чопорность официантов и дорогое шампанское его ничуть не раздражают.

Никого его фраза не обидела, наоборот, все дружно рассмеялись. Вокруг все свои. Вон, Полине в этом году 25. Дочь уже всюю строила свою жизнь, даже

на празднике до конца не досидела, усвистала после какого-то непонятного телефонного разговора.

— Ну пап, я же тост сказала, мне надо! — Характером в мать — упрямая. Но то, что порой раздражало в жене, в дочери вызывало гордость. Упрямство Майи у Полины превращалось в стержень. Какое-то время ужасно переживал из-за ее роста. А что он хотел, если сам — каланча, как должна была выглядеть дочь? Но в какой-то момент понял, что Полину это ничуть не смущает. При росте в метр восемьдесят пять дочь гордо вышагивала на каблуках, не сутулилась, завязывала хвост на макушке, что делало ее еще выше. М-да, как говорится, умница-красавица. И здесь Кольцову повезло! Сегодня только о положительном!

— Зови его сюда!

— Не уверена пока... До конца не уверена... Пока еще не показал себя достойным этого праздника. Не будем гнать лошадей!

— Ну, смотри сама. — Кирилл решил не расстраиваться и не думать о том, зачем тогда с недостойным общаться? Хотя, видимо, брови и приподнялись удивленно. Иначе зачем бы Майя наступила ему на ботинок? Стало быть, не надо пока ЕГО сюда звать. Как его там? Стас, что ли? Потом разберемся.

Но когда успела так вырасти дочь? Хотя тут ему всю дорогу рассказывают, что он в семейных делах участия не принимал, поэтому и не заметил. Перед уходом дочь